

П О В Ъ С Т Ъ

О

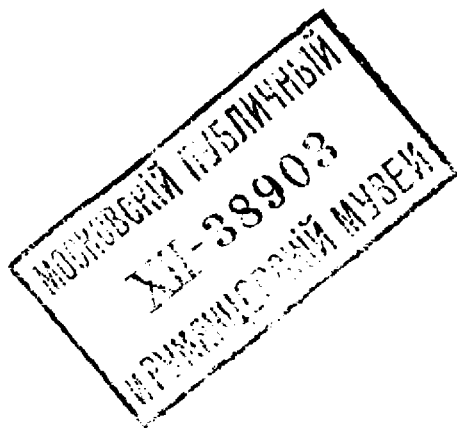
МСТИСЛАВЪ I, ВОЛОДИМИРОВИЧЪ,

С Л А В Н О М Ъ

КНЯЗЪ РУССКОМЪ.

Сочиненіе

Павла Львова.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1 8 2 2.

Печаташь дозволяется съ шѣмъ, чтобы по ошпечашаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіюшени и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Іюля 21 го дня 1821 года. *Ординарный Профессоръ, Коллежскій Советникъ и Кавалеръ Алексѣй Мерзляковъ.*

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Рускія наши пѣсни и сказки, при всемъ томъ, сколь ихъ ни исказило долготѣйшее время, имѣютъ не токмо явственный на себѣ опечашокъ краснорѣчія сильнаго и богатаго, единственно языку нашему принадлежащаго, но еще изображаютъ предковъ нашихъ нравы и обычаи; живописуютъ ихъ великодушное и опкровенное свойство. Слушая наши сказки и пѣсни, мы переносимся воображеніемъ въ давно-минувшіе вѣки, въ богатырскія времена нашего Опечества. Взору нашему представляются сановитые спарцы, доблестивенные мужи, пригожіе юнощи, чернобровыя, бѣлорумяныя красавицы. Одни подають намъ примѣръ опытной мудрости, другіе удивляютъ насъ своимъ всегда *удалымъ* рапоборствомъ; юношество занимаетъ своею остроумною смѣшливостію и *молодецкимъ* проворствомъ; красавицы сколько обворожаютъ своими прелестями, а болѣе того крошкою любезностію. Пльненъ будучи и сладкорѣчіемъ древняго общенароднаго языка

нашего , близкаго къ сердцу , и особливою пріятностію нашей *добронравной* старины, я вознамѣрился написать , во вкусѣ пѣхъ давнихъ лѣпъ , повѣсть о Мстиславѣ I , Вел. Кн. Новгородскомъ. Сочиненіе сіе требовало щадельнаго наблюденія , чѣобы ни однимъ словомъ *новизны* не измѣнишь почтенной *старинѣ* , и для шого всемѣрно старался я уподоблять , согласовашъ , сливашъ мысли мои , выраженія , обороты рѣчи съ духомъ Русскихъ сказокъ , пѣсенъ и повѣстей. Вводныя или заимствованныя мною мѣста опмѣчены особыми знаками и показаны въ примѣчаніяхъ , чѣобы удобно было опіичишь красоты подлинныя опъ моего подражанія. — Весьма награжденнымъ почшу себя за мой трудъ , ежели понравится почтеннымъ чищаделямъ сіе первое въ эшомъ родѣ сочиненіе.

П. А.

П О В Ъ С Т Ъ

О МСТИСЛАВѢ І ВОЛОДИМИРОВИЧѢ, СЛАВНОМЪ КНЯЗѢ РУСКОМЪ.

На горѣ, горѣ высокой, на крупомъ берегу широкой рѣки Волхова, что не часпой боръ чернѣетъ, не дремучій лѣсъ спойетъ; споятъ пущь полки Рускіе, полки всѣ Рускіе, богатырскіе, Великаго Князя Александра, Князя свѣта Ярославича. Они держатъ обратной пущь, идутъ со славнаго побоища, что на Невѣ рѣкѣ было, на песчаномъ берегу. Тутъ они побили Нѣмцовъ несмѣтное число; положили супостатовъ, какъ траву подкосили. Они шли съ побѣдушкой ко Великому Новугороду, ко роду, ко племени, къ опцамъ, къ матерямъ, къ роднымъ сеспрамъ, къ молодымъ женамъ, ко милымъ дѣтямъ. Ужъ какъ здѣсь на высокой горѣ, на всей красотѣ, при чистой при водѣ, они вздумали отдохнуть; на закатѣ краснаго солнышка, на восходѣ свѣтлаго мѣсяца, разложили огонь, посѣли въ кружокъ.

Какъ ужъ стихло все, замолкло, возговорятъ удалые могучіе богатыри: Охъ ты той еси соловей богатырскихъ дѣлъ, Рашиборъ Будиславичъ! Ты спишь ли, не спишь, или крѣпкую думу думаешь? Ты встань, пробудись, ты хоть спой, хоть скажи намъ спарую быль, спародавнюю правду. Ты много жилъ, много по бѣлу свѣту съ мечемъ ходилъ, много добра видѣлъ, много добра слышалъ. Про старину ты много знаешь. *Ты скажи намъ, *какъ опцы наши и дѣды парились въ банѣ кровавой мечами булашными; какъ сѣяли они страхъ и ужасъ на по-

*ляхъ ратныхъ; какъ сжинали они побѣдушки по чужимъ
землямъ, въ честь и славу землѣ Руской.

Что не сизой орелъ поднимается лепѣшь по под-
небесью; вспаешъ съ зелена холма спарой воинъ, Рашиборъ
Будиславичъ. Онъ кладешъ спальной шелоу на широкой
щипѣ; онъ потряхиваешъ сѣдыми волосами, поглажи-
ваешъ окладистую бороду. Онъ берешъ свои гусли звон-
чашья, садися подъ кудрявую сосну, поводишъ бысп-
рыми перспами по звончашымъ спрунамъ; онъ ихъ спро-
ишъ, налаживаешъ, съ своимъ твердымъ голосомъ слова-
риваешъ:

Охъ вы гусли, мои гусельки, гусли звончашья,
спрунки разговорчестья! охъ вы гряньте, прозвение
спарую былъ, спародавную правду; вы припомните,
разскажете дѣла богатырскія. Вы помѣните мое ретиво
сердце, позабавьте сердца молодецкія; вы скажете, не
упаите, что давнымъ давно было у насъ во славномъ
Новѣгородѣ, во дни храбраго Князя Мстислава, во вре-
мена любимаго Князя Володиміровича.

Вѣщій Рашиборъ, свѣтъ Будиславичъ, перевѣдав-
шись со спрунами, грянулъ; живыя спруны зарokoпали,
и запѣвъ его далеко въ чистомъ полѣ раздался.

Какъ у насъ на святой Руси былъ славной Князь,
Великой Государъ Мстиславъ, свѣтъ Володиміровичъ. Онъ,
споя у Руси на спорожѣ, градомъ пускалъ спрѣлы на
враговъ; булашными саблями гремѣлъ объ шелоу ихъ же-
лѣзные. Гдѣ онъ богатырь ни появишся, сверкая золо-
тымъ своимъ щипомъ, шамъ лежащъ головы Половецкія,
Липовскія, Чудскія, Бусурманскія. Онъ мечемъ своимъ ко-
валъ побѣду, копіемъ славу досязалъ, спрѣлами въ хвалу
попадалъ. *Его борзые кони ржали за Сулою; полки бо-
*гатырскіе величали его въ Кіевѣ; шрубы шрубили о немъ
*въ Новѣгородѣ; знамена его развѣвались за Дономъ и на
*Поморѣ (а). Онъ хитеръ и смышленъ былъ: носился мыслію
*по всей Руси и по бѣлу свѣту; сѣрымъ волкомъ по землѣ,

*сизымъ орломъ подѣ облаками, и съ размаху билъ крово-
жадныхъ коршуновъ () (б). *Какъ не спало свѣта Князя
Володимѣра, славна, мудра Князя Всеволодовича, Моно-
маха; родилась тогда печаль горькая; возросла бѣда по-
всемѣстная; пробудились времена тяжкія; налепѣло по-
гда на землю Рускую несмѣтное спало черныхъ вороновъ,
поганныхъ Поволовчанъ; *пошелъ дождь кровавой съ Дона
*великаго; вѣтры вѣвали снѣгами на свящую Русь;
*попоть конской по землѣ раздался; вода въ рѣкахъ по-
*мутилась; взвилась въ полѣ пыль столбомъ: шумяще зна-
*мены; идутъ Половцы къ Кіеву отъ Дона и отъ моря и
со всѣхъ сторонъ (в).

Въ ту пору храброй Мстиславъ, громкой опичъ и
дѣдичъ (2), сѣлъ на златокованной опческой престолѣ.
Онъ, напрягши умъ свой крѣпостью, изоспривъ сердце
мужествомъ, упившись духа ратнаго, вѣдалъ крѣпкую
думу: Руское Царство прославишь, выше всякаго Царства
пославишь.

Не соловей при долинѣ громко свищетъ на зарѣ
ранней, упренней; Мстиславовъ богатырской голосъ раз-
дается ко храбрымъ полкамъ, ко милымъ братьямъ (3),
къ опборной дружинѣ: „Сядемъ, братья, на борзыхъ ко-
„ней; поѣдемъ, могучіе богатыри, на брань попиравать,
„попишь у Половцевъ вина кроваваго. Ужь какъ вы ли,
„храбрые Руссы, въ цѣль снѣлять знающі; подъ зву-
„комъ трубъ вы повишы, подъ шеломами вселѣяны;
„концемъ коня вы вскормлены; всѣ пупи вамъ вѣдомы;
„луки у васъ напаянны, колчаны опворены, сабли изо-
„спрены; вы легаеши по полю ратному; какъ ясные со-
„комы, ища себѣ чесни, а Князю славы (г).“

„Идемъ всюду за побою, красное солнце дому оп-
„цовскаго, братъ любимый, свѣтъ, надежда земли Ру-
„ской!“ воскликнула ему въ опвѣтъ удалая дружина его. —

(*) Смори въ Примѣчаніяхъ.

„Братья родные! идемъ преломить копье на томъ краю „поля Половецкаго.“ — „Вели,“ примолвили строи рапные, „мы Волгу веслами расплещемъ, Донъ вычерпаемъ „шеломами.“

На свѣтлой зарѣ, на утренней, на восходѣ краснаго солнца, не ясенъ соколъ спалъ съ тепла гнѣзда, не бѣлой кречетъ выпархивалъ изъ лѣса дремучаго; выѣзжалъ изъ славнаго города Кіева, изъ золопыхъ воротъ (4) храброй Князь Мспиславъ. *А и конь подъ нимъ, какъ бы *люпой звѣрь, и буръ, косматъ; у коня грива до сырой *земли, изъ ноздрей полымя пышетъ, изъ ушей дымъ *вадитъ. За рѣку онъ брода не спрашиваетъ, скачетъ *прямо съ берега на берегъ. А самъ Князь на конѣ, какъ *высокой дубъ на горѣ; шеломъ на головѣ Княжей ярка *золота; кольчуга на росломъ тѣлѣ его чиста серебра; за *могучими плечами лугой лукъ, на томъ ли на луку поло- *сы слоновой кости, а рога позолочены, и крупнымъ окап- *нымъ жемчугомъ унизаны; пепива шелковая, бѣлаго шел- *ку Шемаханскаго. При томъ ли при лукѣ колчанъ кале- *ныхъ стрѣлъ; онѣ колопы изъ легкаго дерева изъ ясена, *спроганы тѣ стрѣлы во Новѣгородѣ, клеены были кле- *емъ осетровымъ, перены перьями сиза орла, а сиза *орла, орла орловича, того ли орла птицы Камскія. Что *въ ушахъ у стрѣлочекъ вставлено по каменю, по доро- *гому самоцвѣтному; подлѣ ушей перевино чистымъ Ара- *війскимъ золопомъ. Князь, на охотѣ забавляясь, стрѣ- *лялъ ими и бѣлыхъ лебедей, и сѣрыхъ гусей, и перелет- *ныхъ мѣлкихъ пташечекъ: ни одна стрѣла промаху не *давала; днемъ онъ стрѣлялъ, въ ночи собиралъ. Днемъ- *то тѣхъ стрѣлочекъ не видѣши, а въ ночи онѣ какъ *свѣчи горятъ, какъ свѣчи теплящя воску бѣлоярова. У *Князя въ правой рукѣ копье Мурзавецкое (д), на лѣвой на рукѣ золотъ щипъ, по лѣвой по бедрѣ на кольчашныхъ *цѣпяхъ виситъ острой мечъ въ сканныхъ ножнахъ, ужъ какъ пошъ ли мечъ острой *самосѣкъ*. Двѣнадцать кова-

чей ковали его, въ двѣнадцати горнахъ, двѣнадцашью
молотами, двѣнадцашью пудовыми, а закаливая, приго-
варивали, чѣобы мечу шому не гнушья, не ломилья,
въ чужія руки не попадашья, вражьи головы рубилъ по
тысячѣ съ маху; полки злодѣевъ Руской земли съчъ, какъ
праву косилъ. Ужь такъ они говорили, приговаривали,
спрахъ, бѣду и смернь на вражьи головы въ остро-
лезвее меча вкладывали.

Князь пустился съ полками Рускими на полки По-
ловецкіе, какъ грозная туча на сине море. *Онъ переска-
*каль волкомъ поля чистыя, пробѣжалъ сободемъ лѣса тем-
ные, перелетѣлъ соколомъ рѣки быспрыя (е); а опъ пару
конскаго и мѣсяцъ и солнце померкнули, не видашъ было
луча свѣта бѣлаго.

Стояла сила Половецкая около Лубна со Князьями
Бонакомъ и Шуруканомъ, и иными Князи Половецкими.
Храбрый Мстиславъ перешелъ быструю рѣку, чѣпо бы-
стру рѣку Сулу, и нагрязнулъ на спрашную орду вражію.
*Тупъ-по было копьямъ поломашья; тупъ-по было саб-
*лямъ пришупилья объ шеломы Половецкіе на рѣкѣ на Су-
*лѣ. Бѣсовы дѣти оградили спанъ свой крикомъ, а храб-
рые Руссы багряными щипами (ж). Богатырь Мстиславъ
сразился съ Бонакомъ одинъ на одинъ.

*Ужь какъ топъ-по Бонакъ былъ въ вышину при
*сажени, промежъ плечъ косая сажень, промежъ глазъ калена
*спрѣла (з). Конь подъ нимъ, какъ люшой звѣрь; онъ ржалъ,
*крушился, прятъ ушми; пѣна клубомъ валила изъ челюспи,
*кровью облились глаза. Бонакъ вынимаетъ изъ налушна шу-
*гой лукъ, изъ колчана калену спрѣлу, калену спрѣлу семи пя-
*день; онъ направлялъ ее въ Княжую грудь, попянулъ онъ
*шугой лукъ за ухо; заскрыпѣли полосы мѣдныя, завыли рога
*у шуга лука; вспѣла пешива, взвизгнула, полетѣла калена
*спрѣла. Угодила спрѣла въ сыръ креновиспой дубъ; какъ
*хвасилъ она во сырой дубъ, раздробила его въ черенъе
*ножевое (и). Почернѣлъ Бонакъ словно осенняя ночь; Мсти-

славъ споялъ какъ свѣтелъ мѣсяцъ на выкатѣ. Онъ под-
скакалъ къ невѣрному Полкану, и съ размаху хлеснулъ его
булашнымъ мечемъ. Дрогнула масть сыра земля отъ того
удара богатырскаго; Бонакъ повалился съ борза коня, за-
ревѣлъ зычнымъ голосомъ, зашумѣла дубровушка зеленая,
и поганская душа съ кровью выпекла на желтой, сыпу-
чей песокъ.

Всполохнулись полки Половецкіе, обмерли отъ стра-
ху, отъ ужаса, побѣжали полями и лѣсами, мхами и зы-
бучими болошами. Погналась за ними сила Руская, при-
шопыла холмы и буераки, помутила воду въ рѣкахъ и
озерахъ, засушила ручьи и болоша. *Черная земля Поло-
*вецкая косыми невѣрныхъ была посѣяна, и кровью ихъ
полила (i).

На зарѣ другого дня скопились густымъ облакомъ
полки Половецкіе у Хоролъ; пущь-то Русь въ конецъ ихъ
разгромила, прогнала и распеклась какъ вешняя вода по
землѣ вражеской. Русь поплѣвила дѣвицъ милоликихъ, а
съ ними золото, паволоки и аксамиты. *Багряное знамя,
*бѣлая хоругвь, красная чолка и серебряное древко доста-
лись опиважному Мстиславу (к). Съ великою добычею, со
славною побѣдою возвратился храбрый Князь въ преспо-
дой градъ Кіевъ, ко Святой Софіи (5). Да здравству-
ють Князи Рускіе и дружина ихъ, поборая за Христі-
анъ на воинство невѣрныхъ! Слава Князьямъ, слава и
воинству Новгородскому съ Бѣлозерцы и Рословцы, оп-
борною Мстиславлею дружиною: что съ тою ли дружи-
ною удалою, противу коей и сама тверда масть Русь
успояшь не могла на Олехѣ, въ землѣ Суздальской;
пущь-то Мстиславъ съ горстью праотцовъ нашихъ сло-
милъ, шопыла и во Тмулараканъ загналъ буйную голо-
вушку, непокорнаго Олега Святославича со всею его мно-
голюдною силой; а самъ вернулся въ Новгородъ съ
честью (6). Слава Мстиславу со всею богатырскою
Рускою силою; веселись храброе Александрово воинство!

Наши прадѣды побѣждали съ Великимъ Княземъ Мстиславомъ, со яснымъ свѣшомъ Володиміровичемъ.

*Загремѣла слава въ Кіевѣ и Черниговѣ, запѣла радость въ Ростовѣ и Суздаль, заиграло веселіе въ Теребовлѣ и во Тмушараканѣ, запировала побѣда надъ Половцями по всѣмъ Княжескимъ удѣламъ, въ Перемышлѣ и въ Смоленскѣ, въ Звенигородѣ и въ Муромѣ, въ Курскѣ и въ Туровѣ, въ Переславлѣ и Володимірѣ на Волынѣ, въ Вышгородѣ и въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ (л). *У насъ только, у насъ въ Новѣгородѣ Великомъ было пасмурно, шуманно; померкло солнце середь дня, поштемнѣлъ мѣсяцъ въ ночь безоблачну (7); заспонала Новгородъ ошъ печали, а Псковъ ошъ напаси; разлилась шоска по Свири и по Ижорѣ; завылъ Ильмень и забушевало сердитое Невоезеро (*). Въ ту пору была невзгода, невзгодушка псяжкая; поднялась на Новгородъ гроза спрашная, Чудь бѣлоглазая со Липвою долгополою. Они хвалились землею нашу поплѣнишь, грады разорить, *пустить на дымъ церкви Божіи* (м), Великій Новгородъ срыть до подвального бревна.

Ужъ на ту пору у насъ во славномъ во Новѣгородѣ посадничалъ Бояринъ Димитрій, свѣшъ Даниловичъ (8), ума палапа: онъ былъ кумъ хипра, мудра Випязя, Оомы Рашиборовича (9), чпо того ли Оомы наперсничка Володимірова. Топъ умомъ своимъ опупывалъ враговъ, какъ мѣлкихъ ппашечекъ сѣпью; а Димитрій и Оому перехиприлъ; онъ умѣлъ судить и рядить Новгородцевъ; умѣлъ жить съ ними въ ладу. Димитрій ласковъ былъ ко народу, привѣпливъ ко своей брашнѣ, увѣпливъ на жалобы людскія, совѣпливъ на суду градскомъ; онъ судилъ, рядилъ по совѣсти, расправу давалъ по Правдѣ Славянъ, закону Ярославлю; былъ досупентъ, и добрыми дѣлами веселилъ спрану опечесшвенную; покоилъ сердца людей право-

(*) Имяъ называется оно Ладожскимъ.

славныхъ. Онъ дѣло все зналъ; не пужилъ, не горевалъ, а послалъ ко Князю Мспиславу вѣспочку перекидную, грамопку скорописчащую, не кривыми дорогами, не узкими проселочными, но широкою дорогою, прямоѣзжею. Онъ ударилъ въ вѣчевой колоколъ, собиралъ Новгородцевъ на Княжій дворъ Ярославовъ (10), и говорилъ имъ слово радостное.

„Не печальшесь, не крушишесь, разумныя головушки! естъ у насъ защита вѣрная, каменна спѣна съ золотымъ верхомъ: ужъ какъ па спѣна храбрые молодцы, наши дѣпи, наши внуки; ужъ какъ топъ золотой верхъ, чпо мы сами себѣ сковали нашими булапными сердцами, могучей богатырь, наше красное солнце, Мспиславъ Князь; нами онъ вспоенъ, вскормленъ, и добру обученъ (11). Доколъ спѣна крѣпка, доколъ золотъ на ней, верхъ, не страшны намъ ни Липва, ни Чудъ, ни вся сила всесвѣпная. Изъ Волхова воды ей не выпипи, въ Великомъ Новѣгородѣ людей не выбипи.“

Вымолвя слово умное, Бояринъ вздумалъ, чпобъ горе разбишь, народъ повеселишь — запѣялъ сына женишь. Онъ брагу заварилъ; вино закурилъ, распворилъ меда сладкіе.

Какъ у Даниловича у Димипрія не въ первый заводился такое веселье, такое раздолье; и до того онъ часто пировалъ, не рѣдко столовалъ. Онъ богатъ былъ и селами, и деревнями, и серебромъ, и золотомъ, крупнымъ жемчугомъ и дорогими каменьями, и парчею, и камкою хрущапою, и отборными соболями. Къ нему на Боярской дворъ и несли, и везли со всей Руси и изъ-за моря много добра, много сластей всякихъ. Во улицѣ Ильиной, во Славянскомъ концѣ, близъ Теремнаго двора Ярослава былъ дворъ Димипріевъ на цѣлой верстѣ, а кругомъ двора жемчужной пынъ, а на каждой пынинкѣ по золотой маковкѣ, а на каждой маковкѣ по жемчуженкѣ; ворота узорчатой рѣзбы, верен посеребренныя, подворотня рыбыя зу-

*ба. Посреди двора между гридней, нежду горницъ бѣло-
 *дубовыхъ стояла свѣшелочка стекольчатая, покрыта ли-
 *стовымъ серебромъ, у ней мастица чиста золота, пото-
 *локъ изъ Воспочнаго хрустала грановитаго, спѣны об-
 *вѣшаны бархатомъ съ сѣдымъ бобромъ, скамьи устланы
 *черными соболями, кирпичатъ полъ коврами Шемахански-
 ми (н). Въ переднемъ углу образа стоятъ въ золотыхъ
 ризахъ, со каменьями дорогими, а въ другомъ углу кроват-
 ка спойшъ, кровать слоновыхъ костей; на кровати пе-
 рина лежишъ съ головою пуху лебединаго; на перинѣ
 одѣяло аксамитное, подложено лисицами бурнашными.
 Какъ на шой ли на кроватпушкѣ Даниловичъ, послѣ хлѣба,
 соли опдыхалъ; но не все - то онъ опдыхалъ, а часпо
 наединѣ крѣпкую думу держалъ: какъ честно жишъ,
 какъ вѣрно опчизнѣ служишъ, какъ людямъ добро шво-
 ришъ.

Ужъ какъ это ли было богатство Димитріево; онъ
 перебогатѣлъ всѣхъ богачей премо сокровищами, ужъ
 какъ шѣми ли сокровищами некупленными, а Богомъ ему
 данными; ужъ и шѣмъ - то сокровищамъ цѣны нѣтъ:
 какъ первое сокровище — вѣрна жена, хозяйошка домови-
 та; другое - то сокровище — покорной сынъ, Якунъ бога-
 тырь; хорошъ, пригожъ и роспомъ, и дородствомъ, и
 всею молодецкою поступью; уменъ, и разуменъ, и храбръ,
 и силенъ; умѣетъ полки спроишъ, умѣетъ и водить; онъ
 за храбрость, за дородство выбранъ Тысяцкимъ. Онъ
 былъ пригожесствомъ по матери, дородствомъ по роди-
 номъ по опцѣ, удалствомъ по Оомѣ, по Оомѣ Рапибо-
 ровичѣ, опцѣ кресномъ. Оома биралъ его съ собой на
 потѣшечку молодецкую, съ могучими богатырями силы
 попытатъ, попягаться, поберотъся. Оома часто съ нимъ
 передъ ратью ѣзжалъ плечо о плечо, спремено въ спре-
 мено богатырское. А какъ третье - то у Димитрія со-
 кровище — мила дочь, красная дѣвица, Любава. свѣтъ Ди-
 митріевна: *очи у ней соколиныя, брови соболиныя, грудь

*лебединая, успа сахарныя; руса коса спройну спану кра-
*са; руки нѣжны, пальчики гибки, поненьки; безъ бѣ-
*лиль красавица бѣла, безъ румянъ румяна (о); слава, честъ
*матери; радостъ сердцу опцовскому; забоша, кручина
сердцу молодецкому; похвальба всему роду, племени; алой
цвѣпокъ Руской земли.

Душа красна дѣвица, Любава Димитріевна, жила
во высокомъ перемѣ златоверхомъ. *У пого ли у перема
*прои сѣни косящешы, да прои сѣни рѣшетчашы, прои
*двери кедровыя, да прои двери хрустальныя, у дверей
*крюки съ пробой по булашу злечены. За сполькими сѣня-
*ми, за сполькими дверями она бережена была, чтобы
*буйные вѣтры не вихнули на нее, чтобы лихіе люди бѣ-
*ла лица не сглазили. Среди перема кроватка стоинъ,
*изъ кости поченая, съ подзорами кружевными, съ занавѣ-
*сями алтабасными, съ одѣяломъ, золотомъ выспрочен-
*нымъ. А какъ внутри-по перема хорошо было изукра-
*шено: на небѣ солнце, въ перемѣ солнце; на небѣ мѣ-
*сяцъ, въ перемѣ мѣсяцъ; на небѣ звѣзды, въ перемѣ
*звѣзды; на небѣ заря, въ перемѣ заря, и вся красота
*поднебесная (п). * Въ прислугѣ у Любавы много нянюшекъ, и
мамушекъ, и сѣнныхъ красныхъ дѣвушекъ; на нихъ склад-
ни съ зернами опаловыми, очелья бисерныя, шѣлогрѣи
шпофныя, въ русыхъ косахъ ленты разноцвѣтныя. Бы-
ло ей съ кѣмъ зимніе долгіе вечера корошати, побаяти
рѣчи умныя, рѣчи забавныя и пѣсенки поѣти; было ей
съ кѣмъ лѣтнею порою въ хороводы поиграти во зеле-
номъ во саду.

Наступилъ день свадебной, началось у великата Бо-
ярина большое пированье, почешной пиръ. Успавлялись
вдоль свѣпныхъ палатъ сполы бѣлодубовые, накрывали-
ся скапершыми браными, камчатными. Для всякой ясп-
вы смачной, для всякой яспвы сахарной, выносились на
сполы мисы жарка золота, чаши и блюда чиста серебра
съ позолотою, чеканомъ, сканью, и дѣломъ фрязскимъ

изукрашенныя. Отъ полу до пошолка стояла горой посуда дорогая; кунганы и брашны, стопы и спаканы, кружки, ковши и чары, и все оплипые изъ золоша, изъ серебра работы обронной, съ узорами воронеными, со вспавками драгоцѣнными, со пишьями медвяными.

Наряжался къ вѣнцу Якунь богатырь въ цвѣтное платье, въ дорогія одежды парчи Казылбашской, и бархата Венедицкаго, унизанныя окашнымъ, крупнымъ жемчугомъ съ самоцвѣтными каменьями. Разчесывалъ онъ рѣзнымъ гребнемъ свои кудри черныя; надѣвалъ на шею цѣпь богатырскую со гривною золошою, цѣпь кольчатую, бурмицкими зернами съ изумрудами, со яхонтами узорчато перевитую. Уже какъ въ томъ нарядѣ Якунь свѣпъ Димитріевичъ сіялъ лучами разноцвѣтными: на одну сторону обернется, какъ ясной мѣсяцъ освѣтитъ; на другую сторону повернется, словно солнце въ полдень осіаетъ; куда ни ступитъ, звѣзды сверкають, по слѣдамъ своимъ искры сыплеть.

Какъ поѣхалъ Якунь на бурномъ конѣ со поѣздомъ къ Ильѣ Пророку вѣнчаться по широкой улицѣ по Славянской; пущь, дороженька успилана ему была камками червчашыми; дружки бросали за нимъ въ народъ казну боярскую. То-ню было чему полюбоваться, то-ню было чему повеселились.

Отъ вѣнца вернулся Якунь самдруть, съ чернобровою, съ черноглазою, съ суженою, ряженою, молодою женою, со новою семьѣ радостію; она хороша, пригожа, какъ звѣзда Восточная, яркая звѣзда упрежня. Якунь взялъ невѣсту изъ Бояновой улицы, изъ Плопенскаго конца (12), изъ знатна дома Посадничья; бѣлолицу, круглолицу, красную дѣвицу, Добродѣю, дочь Посадника Павла. А и потѣли Павелъ былъ правнукъ *Соловьа древнихъ лѣтъ*, *Велесова внука*, *Бояна Вѣщаго*. Боянъ сладки пѣсни пѣвалъ въ похвальбу старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Роману (13). Его пѣсни, его гусли

раздавались по Новугороду Великому; громка славушка пронеслась о немъ до Стольнаго города до Кіева. А за то, что онъ складно пѣсенки складаль, что сладко ихъ пѣвалъ, что честно Князей величалъ, и та улица, гдѣ онъ жилъ, прозвана Бояновой; а и той ли улицѣ такъ во вѣкъ прослышь, Новугороду на славу, молодымъ пѣвцамъ на поученье.

На свадебномъ пиру садились гости за столы бражные, за ясныя сахарныя Княженецкія; спали подносить имъ вина заморскія и меда сладкіе. Началось сполованье, началось пированье: золотыя чары съ зеленымъ виномъ вокругъ гостей пошли; позолоченая кружка съ хмѣльнымъ пивомъ, разымчатымъ вокругъ гостей пошла, вокругъ гостей пошла, веселье понесла. Серебряные спаканчики позвякивающъ, гости поговаривающъ.

*Ужъ какъ въ ту пору подъ Великимъ Новымъ городомъ, по славному озеру по Ильменю, не сѣрь селезень *плывесть, поплавываетъ, не ярой гоголь поныриваетъ, а *плывесть, поплавываетъ червленъ корабль. Хорошо корабль изукрашенъ: у шого корабля на носу хипро вырѣзанъ левъ звѣрь; вмѣсто очей у него было вставлено по *дорогому камешку, по яхонту; вмѣсто бровей было прибивано по черному соболу Якутскому; вмѣсто уса было *воткнуто два н жа оспрые, буланые; вмѣсто ушей *было воткнуто два воспра коня Мурзавешскія, и два *горносная повѣшены; вмѣсто гривы приколочено два *медвѣдя Сибирскіе; вмѣсто хвоста привѣшены двѣ лисы *цы бурнастыя (р). На томъ ли корабль было приидцать удалыхъ молодцовъ, храбрыхъ богатырей; а одинъ изъ нихъ былъ краше всѣхъ: онъ былъ между ими какъ ошменшой соболь ошо всѣхъ сороковъ, какъ ясной соколъ изъ всѣхъ пшиць, какъ свѣшелъ мѣсяць между всѣми звѣздами; онъ, на кормѣ стоя, приказываетъ: „Охъ, свѣтъ моя дружина храбрая, удалые добры молодцы! пускайте ко-

„рабъ поперегъ Ильменя, приставайте къ Новугороду, ко двору Димитріеву, ко шерему Посадничью.“

Удалые молодцы послушны и проворны: они къ городу причаливають, сходни бросають на крупной бережокъ, идутъ къ Димитрію на широкой дворъ, на ступенчапо крыльцо, во свѣшлыя палаты. Они Богу молящяся, хозяину съ хозяйошкой и гостямъ почетнымъ кланяющяся, молодого съ молодою привѣтствуютъ, щастья, богатства и всякаго добра имъ желаютъ. Хозяинъ радушно встрѣчаетъ гостей незваныхъ, гостей нежданныхъ; на нихъ збруя рапная, богатырская.

Вспрянула радость, вскочило веселье. Ужь какъ изъ шѣхъ гостей незваныхъ, гостей нежданныхъ, одинъ гость всѣхъ свѣшлѣе, всѣхъ яснѣе, всѣхъ желаннѣе, славной Князь, великой богатырь, Мстиславъ Володиміровичъ. То-шо спала весела бесѣда и день радошенъ.

Ужь какъ начали гости подчивать, за дорогимъ ухаживать; спали подносить чередой яствы и пивья. Но гость ни пьетъ, ни ѣстъ, лишь прикушиваетъ; самъ задумывается, говоритъ, забывается: онъ не можетъ наглядѣться, наглядѣться, насмотрѣться на красоту дѣвичью; онъ очей не спустилъ съ пригожаго лица Любавина; красавица изподпиха взглянула на богатыря: ихъ привѣтливы взгляды ненарокомъ повстрѣчались, повстрѣчались, вдругъ пошупились, и сердце сердцу вѣсть подало. Какъ опъ того ли взгляда, опъ Любавина взгляда умильнаго, не камень опъ огня раскаляется, не булѣтъ опъ жара распопляется, разгорѣлось, распопилось сердце богатырское, богатырское сердце млада Князя Мстислава Володиміровича. Онъ встаетъ изъ-за стола задумчивъ, задумчивъ и шуманенъ; онъ идетъ съ крыльца, оступается; по дорожкѣ идетъ, запинаясь; на боярской домъ часто оглядывается; въ свой Княжей домъ входитъ, тоскуетъ: онъ не видитъ красныя дѣвицы. Пасмуренъ день безъ солнца, шемна ночь безъ мѣсяца, не

милъ Князю бѣлой свѣтъ безъ Любавы. *Богатырю ночь
*не спипся; а и вздремлетъ, красавица во снѣ снится;
*песова кровать шипится, поспелюшка капится, изго-
ловъцо вертится, одѣяло съ плечъ валился (с).

По упру ранымъ ранешенько, до восхода яркова
солнца, лишь забрезжилась заря упренная, зорюшка ру-
мянная, онъ призываетъ друга вѣрнаго, друга вѣрнаго,
брата роднаго; онъ открываетъ ему ретивое сердце, ве-
литъ взять ему сканные ларцы, что полосы на нихъ зо-
лошныя, по золоту узоры черневыя; что во шѣхъ ли лар-
цахъ сопрятаны сокровища дорогія; что въ шѣхъ ли со-
кровищахъ естъ золотъ перспенъ со вставкою камня
огня пыла; что тому ли камню малая цѣна сто тысячъ
рублей; онъ днемъ горитъ какъ мѣсячная свѣча, ночью
свѣтитъ какъ свѣтель мѣсяцъ. Князь приказываетъ от-
нести ларцы ко Посаднику Димитрію, въ подарочекъ
Любавѣ прекрасной. Онъ наказываетъ сказать отцу ея
и матери, что естъ у нихъ товаръ безцѣнной, ужъ какъ
того товару некому, кромѣ его, купить.

Началось у Боярина Димитрія снова ликованье,
снова пированье; не успѣлъ сына женить, какъ и дочь
просваталъ за славна жениха, за спольнаго Князя Ру-
скаго; что просваталъ, сговорилъ и у Святой Софіи
перспнями обручилъ.

Умной Князь, разумной богатырь! ты силенъ былъ
могучихъ Полкановъ поборать, а и того еще больше
умѣлъ себя одолѣвать. Послѣ сговора, обрученья, Князь
свадьбу отложилъ до поры до времени, пока съ Чудью
бѣлоглазую, съ Литвою долгополою перевѣдается. Поку-
да онъ сговоръ справлялъ, куда пировалъ, ко той по-
рѣ приспѣли полки его храбрыя; а и тѣ полки приводи-
ли въ Великой Новгородъ богатыри славные, Князя все
удѣльные (14).

Слезающія пищицы скоролетныя со всѣхъ сторонъ
на чисто поле: сходящія, смыкающія Новгородцы съ Бѣло-

зерцами и Ростовцами. Скликаеть ихъ, сзываетъ Якунь богатырь. Онъ, ступя въ золотое спремя, развѣзжаетъ по спроямъ рашнымъ; онъ уряжаетъ ихъ по сопнямъ и по тысячамъ: ему вести ихъ на боевой пиръ, щитами постучать, мечей попышать.

Поспроилась, прошняулась Руская ратная сила многими вежами вдоль чистаго поля, широкаго раздолья, чпо того ли славна поля Волошова (15), гдѣ спянь, почивають безпробуднымъ сномъ богатырскія головушки нашихъ опцовъ, нашихъ дѣдовъ. Посреди поля спойнь зеленъ холмъ, высокъ курганъ, чпо высокъ курганъ, славна могила мудраго Князя, великаго Посадника Госпомысла Буривоича. Умомъ своимъ онъ вѣки обнималъ; правдою своею Славянь добрѣ держалъ; храбростью своею сильныхъ враговъ покорялъ и дани налагалъ. За то его до родство любила вся спрана Славянская; за то могилу его насыпали горспыми своими наши прадѣды. Опъ спара и до мала провожали его Новгородцы въ царство небесное, горько плачучи. Они разспавались съ нимъ какъ бы со бѣлымъ свѣтомъ; они шли за шѣломъ его рыдаючи, и каждую горспъ земли смочили горячими слезами. Сколько было тогда въ Новѣгородѣ людей, сполько горспей земли было на него высыпано. Поднялся высокъ холмъ на славу, вѣчну память великому Посаднику, мудрому Госпомыслу, началоположнику Руской Державы, чшобы дѣши, чшобы внуки наши благословляли его въ роды родовъ (16). На томъ - то холмѣ развѣвался Княжой спягъ, святое знамя Руское (17). Подъ шѣмъ ли спягомъ горѣлъ золотъ Мспиславовъ щипъ, ужъ какъ швердой щипъ, крѣпкая спѣна споронушки родимой.

Запрубили прубы въ пяпи концахъ, чпо въ пяпи, во широкихъ, во долгихъ концахъ Великаго Новаграда (18); заржали кони бурные, зазвенѣли доспѣхи богатырскіе, засверкали копыя острия, заблิสали брони ешальныя, завѣяли знамена шелковыя, закипѣли сердца

репивыя, сердца молодецкія; проспонала мать сыра земля опъ шопона конскаго; завыли лѣса и дубравы гуломъ прубнымъ. Во чиспомъ полѣ лишъ дымъ сполбомъ.

Молода жена Якунова со Любавою прекрасною горячими слезами обливаясь, съ друзьями сердечными прощающа, невѣспъ на сколько съ милыми разлучающа; въ горькую думу погружающа, чпо въ горькую думушку, печальную.

Проворная Руская сила успали не знаешъ; Князь Мспиславъ со храбрымъ своимъ воинспвомъ доскакаль, долешълъ до Чудскаго озера въ при дни. На чешвершой красно солнце закапалось, наступала мать темна ночь, показалась сила вражія; какъ утрюмая буря воешъ надъ чернымъ боромъ, шакъ спояла она на равнинѣ зеленой. Ея раскинутые шашры бѣлѣюшъ по шравѣ, муравѣ, по лазоревымъ цвѣшамъ. Ужъ какъ пшой силѣ супосшашекской и смѣшпы нѣшъ: шупъ были и Жмудъ, и Кури, и Зимгола, и Корсъ, и Эшпы, и Ливы, и вся Чудъ хищная (19), и вся Липва ненависшная.

На завтра при зарѣ ушренной спало войско на войско наспупашъ, двигнулась сила на силу; посыпались чашпымъ дождемъ, крупнымъ градомъ калены спрѣлы; зашшучали сабли объ шеломы, зашшрещали копья булашшныя, наспала кровавая сѣча: головы съ плечъ валились словно листъ съ деревъ; земля усплана была шѣлами, какъ нива снопами: куда храбрый Мспиславъ врубитсѣ, шамъ и площадь; махнешъ ли *самосѣкомъ*, шупъ и улицы.

Не близко, не далеко опъ побоища, какъ бы два грозна орла слепалися, сѣѣзжались два храбра богашыря Якунь съ Воеводою Липовскимъ. Ужъ какъ шопъ Воевода, Королевской сынъ, и дородень, и пригожъ, и красивъ, и величавъ; онъ напущается на Якуна молодца, и мѣшшпшъ спрѣлой во широкую грудь, а угодиль въ бедру его доброму коню; спрѣла на выленъ пронеслась. Взвился, вскрушилсѣ ярой конъ, Якунь сидпшъ на немъ

не пошатнется; онъ не губить Воеводу, Королевскаго сына, ни мечемъ острѣмъ, ни каленой стрѣлой; онъ подпускаетъ къ себѣ Королевича; но лишь мигнуть, снимаешь его копьемъ съ сѣдла золотого, и махомъ бросаешь на сырую землю. Тяжко проспоналъ младъ Королевичъ на сырой землѣ; протянулись его ноги рѣзвья, опустились его руки бѣлыя, посинѣли его уста алыя, помутнились очи ясныя, охладѣло тѣло рослое, и душа молодецкая разлучилась со бѣлымъ свѣтомъ. Якуну достались его богатые доспѣхи, но достались не надолго.

Охъ! не долго тебѣ, ясенъ соколъ, летать по небесью; убьетъ тебя сокола громовая стрѣла. Не долго тебѣ, Якунъ, богатырствовать, не выдашь тебѣ отца, матери, ни родной сестры, ни радости молодой жены: какъ бы кто силенъ, какъ бы уменъ ни былъ, хоть бы птицей леталъ... а суда Божія не избежишь.

Освирѣпѣлась, разъярилась люта Липва за смерть Королевича, уснастила свои копья, мечи и стрѣлы на Якуна богатыря; бросилась на добраго молодца вся сила супоспашская; подоспѣла къ нему его храбрая дружина; вскипѣла вокругъ него битва кровавая; откуда ни взялась роковая стрѣла: она свиснула, мелькнула и попала Якуну въ решивое сердце. Закачался, заколыхался удалой молодецъ, какъ зеленой дубъ отъ буйныхъ вихрей. Онъ сскочилъ съ коня, но пшвердые ноги его подсклсися; онъ упалъ на свой багряной щипъ, какъ гора обрушилась; подъ нимъ дрогнула мать сыра земля. Якунъ богатырь испустилъ храброй духъ свой изъ сильнаго тѣла. Туманная печаль огрузила дружину его; Князь Мстиславъ прослезился о немъ, но духомъ не унылъ. Онъ не допустилъ враговъ до хладнаго богатырскаго тѣла, велѣлъ съ почестью въ Новгородъ опшнести молодца, смершнымъ хмѣлемъ на брани охмѣлѣвшаго; онъ велѣлъ положить удалаго въ могилушку темную, у Николы (20), на Княжемъ дворѣ, у шой церкви, что самъ строилъ, самъ украсилъ:

Онъ покрылъ Якуна своею паволокою Княженецкою, и словно свирѣпой звѣрь, шопъ ли страшной звѣрь, ярой левъ, напалъ, налегъ на силу Липовскую и на шу ли разноплеменну Чудь. Заспучали мечи пуще прежняго; полилася кровь не ручьями, а рѣками; посыпались головы, какъ хмѣль. Бились день, бились другой, а на третій всполохнулись; сила вражья оцѣпенѣла, помершвѣла и въ бѣгъ пустилась ошъ мечей Рускихъ бумажныхъ. *Ястребы *и коршуны приодѣли крылами Чудь побившую, и звѣри *дикие полизали кровь Липовскую (ш).*

Но славный Князь Мстиславъ, храброй Володиміровичъ, вздумалъ смерть Якунову отмстить, вздумалъ Чудь и Липву землѣ Руской покорить. Онъ пошелъ брать села, и города, и казну золотую. А въ шу пору, какъ онъ въ чужой землѣ воевалъ, богатырствовалъ, у насъ въ Новгородѣ Великомъ уныли голоса, поникло веселье. *Не сизокрылыя горлицы въ темномъ лѣсу ворку- *ютъ, не вечерняя роса луга смочила; прекрасная Любава *съ молодой Якуновой женой во высокомъ перемѣ шоску- *ютъ, шипымы, бранымъ полошенечкомъ крупны слезы *опирыютъ, красу, прелестъ свою помрачаютъ, непре- *спанно вспоминая о милыхъ друзьяхъ, о милыхъ сердеч- *ныхъ. Никто грусть, печаль ихъ разговорить не мо- *жетъ; никому онѣ шоски своей не ввѣряютъ; одинъ шоль- *ко соловей грусть, печаль ихъ завѣдаетъ: въ зеленомъ *саду, въ густомъ вишенѣ, съ вѣтки на вѣтку перепар- *хивая, онъ жалки пѣсенки поетъ, и сердца ихъ пуще над- *сажаетъ (у).

*Туманно красно солнышко, шуманно; во шуманѣ *красна солнышка не видно: кручинна молода Якулова же- *на, печальна. Не сиди, бѣдная! долго вечера; не жги *свѣчи воску ярова; не жди дорогова: до бѣла свѣта, дня *краснова тебѣ не выдашь: другу сердечному ужъ въ вѣкъ *къ тебѣ не бываешь; швое свѣтлое солнце перекашно, *швоя щаспливая звѣзда далеко ошъ тебя укашлась, со-

*крылась за черное облако. Не напрасно пвое вѣщево
 *сердце надрывается, не даромъ оно замираетъ; пвое вѣ-
 *ще сердце только что не вымолвитъ: что нѣтъ ужъ на
 *свѣтѣ пвоего милова друга, супруга дорогова. Ужъ какъ
 *въ пияжкомъ горѣ, во люпой своей печали, возговоритъ
 *Якунова жена, слезами обливаясь: „Охъ! ты сердце
 „мое, сердце ретивое! ты къ чему, сердце, ноешь, къ че-
 „му занываешь? ничего мнѣ, сердечушко, не скажешь.
 „Куда дѣнусь я опъ злой бѣды, опъ люпой поски? —
 *Я пойду безпаланная во пемны лѣса, во крупы овраги,
 *искашь люпыхъ звѣрей; я накликаю, созову ихъ. „Охъ!
 „вы люпые звѣри! соберитесь ко мнѣ; волъ вамъ слад-
 „кая пища, мое пѣло бѣлое; вы расперзайте меня на
 „мѣлкія части; лишъ оспавьте одно ретивое сердце; ми-
 „лой другъ найдетъ сердце, найдетъ миль и увидитъ,
 „какъ любила я его: увидитъ и вздохнетъ обо мнѣ (ф).“

Что не гусли звончатыя раздались по терему, не
 спрунки золопые забрянчали; раздался Любавинъ слад-
 кой голосъ. Чтобъ попѣвши пригожую невѣстку, мо-
 лоду жену Якунову, она вымолвила ей слово ласковое,
 ласковое слово, привѣпливое: „Не рони ты на бѣлу грудь
 „горючихъ слезъ; не суши ты сердца ретивова; не губи кра-
 „соту свою, красоту всѣмъ милую. Возвратись къ тебѣ
 „пвой сердечной другъ, мой дорогой братъ; онъ узнаетъ,
 „какъ ты шосковала по немъ, онъ будетъ любить тебя
 „больше прежняго.“ — На пѣ ли сладки рѣчи, на увѣпли-
 выя, залившись слезами молодая сноха, любимой золовкѣ
 молвила: „ужъ не грѣтъ солнцу жарче лѣшняго, не любить
 „другу милѣе прежняго (х).“

А сама Любава прекрасная не меньше того грусти-
 ла о своемъ дорогомъ Князѣ, о сердечномъ другѣ, душев-
 ной радости. Она днемъ не плачетъ, да не спитъ по но-
 чамъ. Подгорюнясь бѣлой рукой на косящето окошечко,
 смотритъ на дороженьку, куда сердечной другъ поѣхалъ.
 Ужъ какъ все ночью тихо, ничего не шелохнетъ; шоль-

ко ясной мѣсяцъ свѣпипть съ висока поднебесья; только Любава прекрасная, словно голубка осиропѣлая, по ушрамъ воркуепть — льепть слезы въ ночной тишинѣ и по другѣ миломъ, и по братѣ родномъ. Красавица сокрушалась и въ печальномъ своемъ раздумѣ не видала, какъ шемна ноченька проходила, красно упрое наступало.

А какъ передъ шѣмъ днемъ бѣдовымъ, передъ смертью Якуна богатыря, не густой туманъ на сине море ложился, опускалась люпа печаль на высоки перема, на боярской домъ Димитріевъ. Ужъ какъ передъ шѣмъ днемъ свѣпелъ мѣсяцъ свѣпилъ не по спарому, со вечера не до полуночи; лишь покажешся, какъ опяпть закашипся въ пучи черныя. Ужъ какъ въ ту ночь привидѣлся Боярину Димитрію нехорошъ сонъ, зловѣстной, предвѣщаль ему невзгодушку. Онъ видѣлъ во снѣ, *что упала надъ нимъ звѣзда поднебесная; что попухла въ Соборѣ свѣча мѣспная; что одѣвали его чернымъ покровомъ на песовой кровапи; подносили ему шурей рогъ, не съ зеленымъ виномъ, а съ кровью шеплою; ему сыпали на грудь изъ пустаыхъ колчановъ крупень скашной жемчугъ; что будпо на среброкованной свѣсплицѣ его всѣ доски безъ верхней перекладины; что будпо во всю ночь до бѣла свѣша надъ окнами его спекольчапыми каркали вороны черныя, и дяпмы долбили желѣзными носами спѣну брусчатую (ц).*

Молодой женѣ Якуновой въ ту ночь привидѣлось, что выпала у нее изъ русой косы ленша алая, подаренье друга милова, сунруга дорогова; что распаялся на правой рукѣ обручальной золопть перспень (ч).*

А Любава прекрасная шайкомъ пересказала родимой своей мапушкѣ, какой сонъ и ей въ ту пору привидѣлся.

„Вечоръ-то мнѣ, мапушка, малымъ мало спалось, что малымъ мало спалось, да много видѣлось. Какъ привидѣлась мнѣ крупа гора; что на шой на крупной горѣ бѣлъ горючъ камень лежипть, а на камнѣ выроспалъ частъ ракишовъ кустъ; два шомъ ли на кустѣ сидипть младъ сизой орель; передъ

„нимъ лежишь убить черной воронъ, а въ когтяхъ у него еще сѣрой ястребъ; онъ почишь кровь его на сыру землю (ш).“ — Какъ на пошъли сонъ дасъ ей полкъ родимая мапушка: „Дитя мое, дитя милое, дитя любимое! я тебѣ сонъ эшотъ расскажу,“ такъ мать дочери въ опвѣшъ говорила, „что круша гора, шо нашъ Великъ, Новгородъ; а ракиповъ кустъ, шо Ярославовъ дворецъ; а сизой орелъ, шо нашъ храброй Князь; а черной воронъ, и сѣрой ястребъ, шо Чудъ и Липва. Нашъ славной Князь побѣдишь ихъ и въ полонъ возметъ (ш).“ Любо было Любавѣ слышашъ такія сладкія рѣчи; тяжкой горы съ сердца ея убыла половина.

Перепорхнула вѣспка нерадостна, донеслась вѣспочка горькая до Посадника Димитрія, что Якунъ богатырь не самъ идешъ, а несущъ его шѣло хладное на багряномъ щитѣ. Онъ всплеснулъ руками — ударился о бѣлодубовой споль; полились ручьями слезы горячія, ужъ какъ шѣхъ ли слезъ полны ручьи въ жаркомъ сердцѣ родителескомъ. А вспомянувъ, что храбрый сынъ умеръ на рашномъ полѣ смершью богатырскою, стоя за Свяшую Русь, Димитрій оперъ слезы, замкнулъ тяжелые вздохи въ пвердой груди, и со всѣмъ домоу вышелъ на вспрѣчу шѣлу сыновню.

Бояринъ Димитрій со Боярыней своей, и съ милой дочерью, и съ молодой невѣсткою, и со Боярскими дѣшми, и съ вѣрными слугами, а за Димитріемъ и всѣ Бояра Новгородскіе, и дворяне, и госпи, и люди торговые вышли за городъ, опдашь послѣднюю честь храброму богатырю, великому Тысяцкому, Якуну Димитріевичу.

Якуново шѣло, червчапой паволокой покрешое, несли удалые добры молодцы, его неизмѣнные сподвижники. Они шли, повѣсивъ буйныя головушки, понизивъ осприя копья, закинувъ свѣшлы щипы за могучи плеча. Передъ ними несли збрую рашную Польскаго Королевича, добычу храбраго Якуна и полоненныя знамена Липовскія;

вели богатырскихъ коней во всемъ снаряждѣ. Принесли Якуна ко Святому Николѣ, положили въ песовой гробъ.

*Ужь какъ въ ту пору не ласпочки, не косачочки
*ки вокругъ шепла гнѣзда увивалися; увивалася пущь
*родная мапушка съ родной сестрой, съ молодой женой.
*Мать плачешь, какъ рѣка льется; родная сестра пла-
*чешь, какъ ключъ кипитъ; молодая жена плачешь,
*горько плачешь, да какъ роса на цвѣтѣхъ падешь: взой-
*дешь красно солнце и росу высушитъ (ъ).

Опустили богатыря Якуна во сыру землю со любимымъ конемъ и со збруей рапной; закрыли пополомъ дубовымъ, засыпали желтыми песками, и на славной его могилѣ поставили золошъ крестъ.

Еще Бояринъ Димитрій не успѣлъ справить сорочинъ по миломъ сынѣ, какъ пришла вѣсть радостна отъ Великаго Князя, отъ храбраго свѣта Мспислава, чпо Чудь и Липва преклонили предъ нимъ свои знамена, положили предъ нимъ свои мечи и копья; чпо взялъ Князь у Чуди спольной городъ ихъ *Медвѣжью голову*, и съ великимъ полономъ, съ богатою добычью возвращается въ Великой Новгородъ (21). Зазвонили въ колокола у Святой Софїи, запѣли святыя пѣсни во храмѣ Божьемъ о здравїи, о многолѣтїи Великаго Князя. Всколыхался народъ отъ радости; дожидался на всякой день своего Князя свѣта, заступника вѣрнаго за отцовскую землю.

Со споронушки полуночныя, съ шой ли споронушки Псковскія, отъ Шелони рѣки, не дождливы облака скоплялися, не громовая туча поднималася, поднималася пыль сполбомъ, возвращалась Руская рапъ съ побѣдушки со славной, съ Чудской, Липовской. Передъ полками обозы шли, обозы шли съ богатою данью: съ серебромъ, со золопомъ, съ дорогою броней воинскою, съ убранствомъ конскимъ и съ несмѣшною казною; они шли, тянулись, въ градскія кладовыя складывалися не день, не два, не три, а цѣлую недѣлю. За тѣми ли обозами шли приспа

отборныхъ полоненниковъ; и все то были чиновники, да Воеводушки полковъ супоспашскихъ. А за ними вели сно добрыхъ коней подъ попонами, изъ серебра шкаными, узорчатыми; на каждомъ конѣ была золотая узда съ шелковыми поводями; на каждомъ конѣ сидѣло по красной дѣвицѣ съ жемчужнымъ ожерельемъ, съ повязкою самоцвѣтныхъ камней, въ плащѣ дорогой парчи. Ужь какъ шѣли красны дѣвицы были все боярскія дочери, дочери боярскія, все вельможскія, ужь и шѣхъли вельможъ Липовскихъ и Чуди разноплеменной. Князь Государь, свѣшъ храброй Мстиславъ, прислалъ ихъ въ госпинецъ, что въ госпинецъ, въ подарочекъ своей дорогой невѣстѣ, Любавѣ прекрасной, чтобы онѣ ей въ палатѣ служили: чтобы онѣ одѣвали ее, убирали, за ея цвѣтнымъ плащемъ ходили, сахарны яствы и сладки пищя ей подносили.

Становились полки по сю сторону Волхова близъ Новагорода, подъ загородскимъ концомъ; разбивали шатры бѣлые по зеленому лугу, дожидались славна Вождя, храбра Князя Мстислава. Князю вздумалось народъ Руской порадовать: онъ послалъ напередъ себя добычу богатырскую, а самъ пришелъ чрезъ недѣлюшку. Онъ по городамъ на пуши останавливался; судъ и милость шворилъ, и много людямъ защиты и добра явилъ. Бояра ждали его, не дождались до осьмага дня. День спалъ вечеряшся; Князь къ городу подъѣзжалъ. Онъ увидѣлъ съ горы издалека золотыя главы, высоки перема славна Велика Новагорода; ужь какъ того ли города концовъ не видашъ, церквей въ немъ не сосчиташъ, домовъ въ немъ, какъ колосья въ полѣ. Вспрепенулось отъ радости его сердце богатырское; чѣмъ ближе подъѣзжалъ, шѣмъ поспѣшалъ онъ скорѣе. Ясной день смеркался, ночка наступала. Князь въ потемочкахъ подъѣхалъ прямо ко Дмитриеву двору, ко Любавину саду; спукнулъ у воротъ въ кольцо серебряное. Заревѣли псы спорожкіе, заходили на

цѣпяхъ переборчашыхъ; выбѣгаль хозяинъ со хозяйскою; вспрѣчали гостя дорогова, зажигали свѣчи воску ярова, накрывали сполы браные, угощали гостя милова, желаниова. Но Любава прекрасная, переломя сердце, скрѣпя решивое, изъ перема не выходила: то время не пора была красной дѣвицѣ съ добрымъ молодцомъ въ бесѣдѣ сидѣль.

На утпро ранымъ ранехонько пробудился народъ отъ радости, проснулся отъ веселья. Собиралися ко Князю на перемной дворъ и Князья, и Бояра, и Посадники, и Тысяцкіе. Ударили у Святой Софіи въ большой колоколь къ обѣдни. Закипѣлъ народъ по улицамъ, какъ вода въ коплѣ; спановилася спѣною отъ Княжева крыльца до Соборной паперщи, по обѣимъ сторонамъ улицы широкой Знаменской и по Волхову мосту, чѣмъ Князя увидѣшь, чѣмъ на опца роднова намопръѣшься, налюбоваться. Занялась людьми вся площадь, глазомъ неокидная; пестрѣлъ, алѣлъ по ней народъ, какъ маковъ цвѣтъ; некуда было яблочку упасъ. Поѣзжалъ Князь къ обѣдни со Князьями, со Бояры, съ могучими богатырями. Его доброй конь игралъ подъ нимъ; его золотъ нарядъ богатырской, какъ жаръ горѣлъ. Въ тошъ день было во Новгородѣ два солнца: на небѣ тепло солнце перекапное, на землѣ красно солнце постоянное, Князь Мстиславъ Володиміровичъ; онъ свѣтилъ на всю Русь цѣлые годы не закапываясь; онъ согрѣвалъ людей добромъ и милостью на всю ихъ жизнь. Охъ! какъ па ли спорона и шасплива, и славна, гдѣ доброй Князь, гдѣ умной Государь(25).

У Святой Софіи Князь Бога благодарилъ, чѣмъ помочь ему сломилъ Чудъ бѣлоглазую, сразилъ Липву долгополую; и на память своей побѣды славной, побѣдушки на долгіе вѣки незабышной, заложилъ Великій Князь Мстиславъ Великой Новгородъ боле перваго, да церковь въ Пирогощи (26); а на Посадника Павла, Боянова правнука, златую гриену надѣлъ за то, чѣмъ обложилъ го-

родъ Ладогу камнемъ (27). Три дня пировалъ, ликовалъ Князь свою громкую побѣду; три дня шелъ у Князя столъ про богатырей, про удалыхъ молодцовъ, про разпныхъ людей. Онъ одарилъ ихъ подарочками дорогими, надѣлилъ жалованьемъ Княженецкимъ, и по домамъ распустилъ; а самъ съ дружиною отборною остался въ Новѣгородѣ свою радость довершивъ, свадебку сыграть. Собирались сваханьки почешныя, снаряжали свадебку богатую, выдавали прекрасную Любаву, свѣтъ Димитріевну, за славна, Велика Князя Рускаго, за Мстислава Володиміровича (28). Какъ на той ли свадебкѣ богатой, Княжеской, не одни Князья, Бояра и выборные люди пировали, споловалъ, пировалъ и весь Новгородъ три дня. По всѣмъ улицамъ пославлены были столы браные со яствами, со пищьями съ Княжескаго двора; подносились сладки меда и зелено вино изъ Княжихъ погребовъ; надѣляли всѣхъ подарочками изъ Княжой казны. То-то было веселье, то-то былъ большой пиръ! Князь со Княгиней самъ вокругъ столовъ ходилъ, гостей угашивалъ, попить, покушать упрашивалъ.

Князь веселился, съ молодой Княгиней миловался, народъ пѣшился; а дѣло не дремало, не спало, капилося какъ колесо: промежду пѣмъ весельемъ и забавой мудрой Князь каждой день судилъ и рядилъ, правду и добро всѣмъ творилъ; и опъ того, у него на пиру, яствы были вкуснѣе, пищья слаще.

Наставала шуманна осень, наступило въ Новѣгородѣ время скучное: красно солнце и свѣтелъ мѣсяць, народно утѣшенъе, Князь Мстиславъ со Княгиней Любавою укашились во Стольный Кіевъ градъ. Князь Государь сѣлъ тамъ на златокованной, родительской престолъ, и правилъ Русью шестъ лѣтъ; правилъ мудро, славно, громко. За правду, милость и разумъ любила его Русь всей душой; храброси и богатырснва его боялись супоснашы; Удѣльные Князья не смѣли предъ нимъ буше-

вапъ, а какъ орлины пшенцы мапкѣ послушны, такъ они были ему покорны, и жили хвадно подъ его вѣнцомъ. За полику мудрость, за полику храбрость и добро людямъ, Мстиславъ былъ прозванъ *Великимъ* (29).

Вопъ вамъ, удалые, добры молодцы, старина; вопъ вамъ и дѣянье: Русскому народу на ушѣшенъе, Русской землѣ на похвальбу, честнымъ людямъ на послушанъе, Князьямъ и богатырямъ на переимочку.

*Слава Богу на небѣ, слава нашему Князю на сей *землѣ! Чтобы нашъ Князь не спарѣлся; чтобы цвѣтное *планье его не носилось; чтобы добрымъ конямъ его не *изѣздипься; чтобы ему державы покорялись; чтобы *святая Русь и на краю свѣта своимъ все звала (ы).

ПРИМѢЧАНІЯ

НА ПОВѢСТЬ О МСТИСЛАВѢ ВЕЛИКОМЪ.

.....

1. *Кровожадныхъ коршуновъ*: такъ называетъ повѣст. воятель строптивыхъ Удѣльныхъ Князей, коихъ кровавыя, междуусобныя брани пресѣкалъ Мстиславъ своею мудростію и мужествомъ — Сммотри описаніе жизни сего Князя въ Лѣтописцѣ Нестора и въ Исторіи Ташицева, гдѣ о семъ довольно подробно сказано.

2. Слова *Отчичъ и Дѣдичъ* вносились въ титулъ Россійскихъ Великихъ Князей и Царей, которые по отцѣ и по дѣду были наследниками престола. — Смощ. Древ. Рос. Вивліюфину, Часть 1, стран. 109, посольство во Флоренцію и прочія посольства.

3. У Мстислава было 7 братьевъ: Изяславъ, Святославъ, Романъ, Ярополкъ, Вечеславъ, Юрій и Андрей. Смощ. Рос. Лѣтопись по Никонову списку стран. 58. Кому изъ любителей отечественной Исторіи не извѣстно то поученіе, или Духовная, которую мудрый Владиміръ Мономахъ оставилъ сынамъ своимъ? Она напечатана въ Сankшпешербургѣ 1793 года.

4. Въ 6525 (1017) Ярославъ заложилъ градъ Кіевъ, и златыя врата поставилъ, и церковь Св. Софіи заложилъ. — Смощ. Рос. Лѣтопись по Софійскому списку, стран. 103, и Ташицева Исторію, Часть 2, стран. 98.

5. О сей побѣдѣ смощри Нестора, стран. 172 и 173, подъ годомъ 6615. Въ Новгородскомъ Лѣтописцѣ сказано, что Князи побѣдиша я, и взяша дѣши ихъ и городъ *Подновисуртовъ* и *Шаруканъ*, стран. 9.

6. Мстиславъ съ Новгородцами и Бѣлозерцами одержалъ славную побѣду надъ Олегомъ, Княземъ Тмушараканскимъ. Смощ. Нестора стран. 149 и 150.

7. О сихъ зашмѣніяхъ упоминается во всѣхъ Лѣтописяхъ. Солнечное случилось Марша 10 дня, а лунное того же Марша 24, 6629 (1121) года. См. Ташицева Исторію; Часть 2, страница 223. У Нестора же на 179 стран. сказано о сихъ явленіяхъ: *что бысть знаменіе въ солнцѣ Марта 1 дня, а въ лунѣ 24.*

8. Въ Новгородскомъ Лѣтописцѣ подѣ 6628 годомъ сказано на страницѣ 11: „представися Димитрій Давидовичъ, „Посадникъ Новгородскій, Іюля въ 9 день; а посадничаль 7 „мѣсяцовъ одинъ.“

9. О Оомѣ Рашиборовичѣ и о его хитрости, какъ онъ виномъ и медомъ Поляковъ подловилъ, и тѣмъ спасъ Червень, за что Владиміръ Мономахъ пожаловалъ его Тысящимъ и златую цѣпь съ гривною послалъ къ нему, смотри Ташицева, 2 Час., стран. 121, 122 и 123.

10. О важности Вѣчи у Новгородцевъ и о вѣчевомъ колоколѣ смотри въ Ежемѣсячныхъ Академическихъ Сочиненіяхъ 1761 года, Часть 2, стран. 124.

11. Чю Новгородцы сами себѣ избрали на княженіе Мстислава, а отвергли Святополка, о томъ повѣствуютъ всѣ Лѣтописи. Смотри. Нестора, стран. 197. У Ташицева сказано, что Мстиславъ въ Новѣгородѣ воспитанъ, и всему, что Князю потребно, обученъ. Часть 2, стран. 198 и 199.

12. Дѣйствительно въ Новѣгородѣ есть улица, и нынѣ называемая Бояновою; а что она издревле была, о томъ смотри Новгородскій Лѣтописецъ, стран. 177. — Новгородскія улицы большею частію прозваны именами знаменитыхъ мужей, имѣвшихъ во оныхъ свое жительство: думать надлежитъ, что въ сей улицѣ жилъ въ древнія времена славный мужъ Боянъ. Ежели не лъзя утвердительно сказать, что этомъ Боянъ есть тотъ самый безсмертный пѣвецъ, о которомъ упоминается въ Ироической пѣсни о походѣ на Половцевъ Князя Игоря, то по крайней мѣрѣ полагать можно; что пѣвецъ Боянъ жилъ въ Новѣгородѣ; ибо ни о какомъ иномъ Боянѣ нигдѣ не говоритъ Исторія тѣхъ временъ.

13. Въ Ироической пѣсни о походѣ на Половцевъ Игоря Святославича Боянъ названъ *Вѣщимъ*, ш. с. мудрымъ, много-

вѣдущимъ, внукомъ Бога *Велеса* и Соловьемъ древнихъ лѣтъ. Смол. Пѣснь сію, стран. 2, 6 и 7. — Но гдѣ онъ воспѣвалъ свои пѣсни, о томъ ничего не упомянуто. Онъ прославлялъ Спарого Ярослава, ш. е. Іго; а Ярославъ въ Новгородѣ больше жилъ, нежели въ Кіевѣ. Изъ сего заключаешь можно, что Боянъ былъ Новгородецъ; ибо, ежели бы онъ былъ Кіевлянинъ, то безъ сомнѣнія воспѣлъ бы Владиміра, отца Ярослава, гремѣвшаго тогда въ Южномъ краю Европы побѣдами и многими славными дѣлами.

14. О семъ ополченіи на Чудъ и на Литву смотри Нешора, стран. 186 и 187, подъ годами 6638 и 6639.

15. Славяне называли *Волотами* великановъ, или богатырей; и потому поле, на которомъ погребались Князья и богатыри Новгородскіе, названо *Волотовымъ*, ш. е. богатырскимъ; такъ оно называется по нынѣ. Поле сіе находится въ двухъ верстахъ съ небольшимъ отъ Новгорода; рѣка Волховецъ отдѣляетъ оное отъ Спарого Города, гдѣ жилъ Рурикъ съ начала своего перемѣщенія изъ Ладоги.

16. О томъ, что Гостомысль дѣйствительно былъ первымъ Посадникомъ въ Новгородѣ, смотри Новгородскій Лѣтописецъ, изданный въ продолженіи Древней Рос. Вивлюеники, 1786 года, Часть 2, стран. 347; а о томъ, что онъ погребенъ на Волотовомъ полѣ, смотри Подробную Лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской башали, Часть 1, стран. 11. — О курганѣ, или холмѣ, подъ коимъ погребенъ Гостомысль, сохранилось въ Новгородѣ по днесь слѣдующее преданіе: „Новгородцы столько любили Гостомысла, что при погребеніи его несли на его могилу каждый изъ своего дому, по горсти земли, и такимъ образомъ насыпали томъ высокой холмъ, которой и нынѣ видѣнъ на Волотовѣ полѣ.“

17. На Великокняжескихъ и Царскихъ знаменахъ всегда писалися образа. Вѣшкіе остатки шаковыхъ знаменъ еще и теперъ видѣть можно въ Кирилло-Бѣлоозерскомъ монастырѣ.

18. Новгородъ издревле раздѣлялся на пять частей, или концовъ, а именно: 1. Славянской: тушъ жили корен-

ные Славяне, переселившіеся изъ древняго города Славянска въ такъ называемый нынѣшній Новгородъ. 2. Площенскій, или Плошничей: тутъ жили плошники, строившіе Новгородъ. 3. Неровской, на рѣкѣ Неровѣ: тутъ Новгородцы, когда были въ Ганзейскомъ союзѣ съ Сѣверными городами, имѣли складочныя анбары для товаровъ, кои за море отправляли. 4. Загородской, такъ названный потому, что находился за наменнымъ городомъ, или нынѣшнимъ Кремлемъ. Наконецъ 5 Гончарской, такъ названный потому, что оный сперва заселенъ былъ гончарами, т. е. художниками глиняной посуды. Чрезъ каждый изъ сихъ концовъ лежала дорога въ Пяшину, или область, Новгородскому владычеству принадлежавшую. Таковыхъ Пяшинъ было пять, а именно: Бѣжецкая, Обонежская, Вопская, Шелонская и Деревская. Каждая изъ сихъ Пяшинъ споль была обширна, что нынѣ въ одной изъ нихъ по двѣ и по три губерніи находится. Подробное описаніе предѣловъ всякой Пяшины заняло бы здѣсь много мѣста; но о семъ особенно изданы прекрасныя Историческіе разговоры, писанныя Преосвященнымъ Евгениемъ, бывшимъ Епископомъ Старорусскимъ и Викаріемъ Новгородской Митрополіи, мужемъ Провѣщеннѣйшимъ и весьма знающимъ Исторію Россійскую.

19. Всѣ сіи народы извѣстны были древнимъ Руссамъ подъ общимъ именемъ Чуди, или Чюди.

20. Смол. Нестора стран. 176 и 177.

21. Смол. Новгородскій Лѣтописецъ, стран. 11; Рос. Лѣтописецъ по списку Софійскому, стран. 152.

22. Загородской конецъ простирался по Псковской дорогѣ, и заключался между улицами Легощею и Прусскою.

23. Ляхи пограбили бѣжавшихъ изъ Моравіи купцовъ Русскихъ. Мстиславъ послалъ сназать Королю Болеславу, чтобъ немедленно весь потъ убытокъ заплатилъ; а самъ велѣлъ войска собирать, грозя ему войною. Но Болеславъ прислалъ пословъ просить о мирѣ; убытки заплатилъ, и еще взялся впредь Русскихъ купцовъ провожать и охранять. — Ташицевъ, Часть 2, стр. 241.

24. Хилковъ пишетъ въ Ядрѣ Россійской Исторіи, что Новгородъ могъ выставить сто тысячъ человекъ своего войска

(Гл. IV); по сему судить должно, сколь обширенъ, домо-численъ и многолюденъ долженъ быть древній Новгородъ. — Но по разнымъ переписямъ сочтено было всего народа во всѣхъ Пятинахъ только 164,889 душъ. — Однако по переписямъ заключаешь не должно собственно о Новгородѣ: онъ могъ быть весьма многолюденъ самъ по себѣ; ибо въ жителѣствѣ во ономъ привлекала торговля нешкото большое число людей Русскихъ, но и великое множество разныхъ чужестранцевъ, а особливо изъ всего Сѣвернаго края. — Рѣдкой изъ знаменитыхъ въ Исторіи древнихъ городовъ претерпѣлъ столь частыя бѣдствія, какъ Новгородъ. Нѣтъ нужды говорить о нѣхъ опустошеніяхъ, какія произведены были двумя Іоаннами; снзася только нужно, что въ разные времена мора, глада и чрезвычайныхъ стужъ, вымерло въ Новгородѣ: въ 1467 году 48,784 человекъ; въ 1508 году 15,396 человекъ, да въ пожарѣ сгорѣло 3,315; а въ 1553 году вымерло болѣе 70,000 человекъ; въ 1554 году былъ пожаръ въ Неровскомъ концѣ, и сгорѣло въ ономъ одномъ концѣ 1,500 дворовъ. Сверхъ того Великій Князь Іоаннъ вывезъ изъ Новгорода болѣе 50 лучшихъ семействъ съ ихъ прислугою. Грозный Іоаннъ былъ совершеннымъ сокрушителемъ Новгорода. Въ 1489 году разослалъ онъ по разнымъ городамъ Россіи изъ Новгорода болѣе 1,000 семействъ Бояръ и жилыхъ людей. — Вотъ сколь былъ многолюденъ и какимъ бѣдствіямъ подверженъ былъ Новгородъ. См. разгов. о древнос. Вел. Новгорода, пис. Преосвящ. Евгениемъ, стр. 19 и 20.

25. Мстиславъ имѣлъ великое попеченіе о порядкѣ и покоѣ, и охранялъ Государство отъ нападенія непріятельскаго. — Ташицевъ, Часть 2, стран. 240.

26. Смол. Нестора, стран. 177; Лѣтописецъ Новгородскій, стран. 11; по списку Софійскому, стран. 152; Ташицевъ, Часть 2, стран. 214 и 241.

27. Несторъ, стран. 177; Новгородской Лѣтописецъ, стран. 2; по Софійскому списку, стран. 152.

28. Всѣ Лѣтописцы говорятъ о семъ супружествѣ: Новгородской на стран. 12; Россійс. Лѣтописецъ, по списку Софійскому, на стран. 152; а Ташицевъ пишетъ именно, что Мстиславъ женился въ Новгородѣ, взявъ Любаву (Любовь), дочь Посадника Димитрія Давидовича. Часть 2, стр. 226.

29. Мстислава боялись Удѣльные Князья. Онъ разбиралъ ихъ вражды. Ташищевъ, Часть 2, стран. 232 — Онъ такъ былъ справедливъ, что даже противъ зятя своего пошелъ. Спр. 233. — Онъ судилъ и въ плѣнъ отдавалъ Князей строптивыхъ. Стран. 240. — Описание его изыскныхъ допущенствъ и за что названъ онъ Великимъ, смотри на стран. 243.

(а) См. Ироическую пѣснь о походѣ на Половцевъ Новгород-Сѣверс. Удѣльнаго Князя Игоря Святославича.

(б) См. въ той же пѣсни.

(в) См. тамъ же.

(г) См. тамъ же.

(д) См. Древнія Русскія стихотворенія.

(е) См. показанную Ироическую пѣснь, изъ коей также взято выше сего сказанное: онъ перескакалъ волкомъ поля чистыя, пробѣжалъ сободемъ и проч.

(ж) См. ту же пѣснь.

(з) См. Древн. Рус. стихотворенія.

(и) См. тѣ же стихотворенія.

(і) См. Ироичес. пѣснь.

(к) См. ту же пѣснь.

(л) См. ту же пѣснь.

(м) Т. е. предать огню. Сіе выраженіе заимствовано изъ древней Монашеской Лѣтописи, поелику въ старину набожные Россіяне не говорили: жечь церкви.

(н) См. Древн. Рус. стихотворенія.

(о) См. старинныя Русскія пѣсни.

(п) См. Древнія Русскія стихотворенія.

(р) См. тѣ же стихотворенія.

(с) См. Старин. Рус. пѣсни.

(т) См. Ироическую пѣснь.

(у) См. Старинныя Рус. пѣсни.

(ф) См. тѣ же старинныя пѣсни.

(х) См. Рус. пѣсни.

(ц) См. Ироическую пѣснь.

(ч) См. Русскія пѣсни.

(ш) См. тѣ же Рус. пѣсни.

(щ) Подражаніе Рускимъ пѣснямъ.

(ъ) Также подражаніе Рускимъ пѣснямъ.

(ы) См. подблюдныя пѣсни.